

время такъ называемыхъ „радѣній“ у нашихъ мистиковъ—сектантовъ, авторъ начерталъ себѣ чрезвычайно широкую программу. Какъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, его задача состоитъ въ томъ, чтобы 1) изобразить картину сектантскаго экстаза со всею совокупностью наблюдаемыхъ въ немъ физическихъ явленій и душевныхъ переживаній, 2) выяснить природу этого состоянія, его разновидности и условія его возникновенія, 3) показать значеніе экстаза въ исторіи русскихъ мистическихъ сектъ, т. е. опредѣлить его вліяніе на складъ религіозно-нравственнаго міросозерцанія сектантовъ, на ихъ культъ, на характеръ и развитіе совершающихся въ ихъ средѣ религіозныхъ движеній. Наконецъ, въ дополненіе ко всему этому онъ хочетъ дать полное критическое изданіе сектантскихъ духовныхъ стиховъ и напечатать обширные рукописные матеріалы, на основаніи которыхъ онъ ведетъ свою работу. Передъ нами теперь первый выпускъ первой части его изслѣдованія, и этотъ выпускъ, составляющій книжку въ 17 печатныхъ листовъ, обнимаетъ лишь половину первой изъ намѣченныхъ авторомъ проблемъ.

Разсматривая картину сектантскаго экстаза, г. Коноваловъ различаетъ въ ней двѣ группы тѣсно связанныхъ между собою явленій: рядъ тѣлесныхъ симптомовъ,—обильныя слезы, смѣхъ, прыганіе до изнеможенія, и проч., и рядъ соответствующихъ душевныхъ состояній,—приступъ умиленія, радости, облегченія и т. п. Оставляя въ сторонѣ психическое содержаніе экстаза, онъ останавливается пока на описаніи его физическихъ обнаруженій. Эти обнаруженія довольно разнообразны и въ значительной степени индивидуальны: но они развиваются и смѣняются другъ друга въ извѣстной послѣдовательности, которая позволяетъ автору установить для нихъ опредѣленную схему. По его наблюденіямъ, общее теченіе сектантскаго экстаза представляетъ три періода: *періодъ возбужденія органическихъ функций*, *періодъ двигательнаго возбужденія* и *періодъ возбужденія функций рѣчи*. Въ рамкахъ этой классификаціи онъ и описываетъ всю совокупность тѣхъ разнообразныхъ тѣлесныхъ явленій, которыя наблюдаются у сектантовъ въ состояніяхъ религіозной экзальтаціи.

Первый изъ названныхъ трехъ періодовъ экстаза выра-

жаются въ измѣненіяхъ дѣятельности органовъ кровообращенія, дыханія, выдѣленія и пищеваренія. Экстазъ всегда начинается у сектантовъ усиленнымъ сердцебиеніемъ или, какъ они выражаются, „трепетаніемъ сердца“, которое напоминаетъ имъ трепетаніе голубя и въ связи съ этою символическою ассоціаціею внушаетъ невольную мысль о снисшествіи на нихъ Св. Духа. Связанное съ сердцебиеніемъ нарушение циркуляціи крови имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ покраснѣніе или поблѣднѣніе лица, измѣненіе его выраженія, особенный блескъ глазъ. Одновременно съ этимъ экстатикъ испытываетъ сладостное ощущеніе внутренней теплоты, которое иногда переходитъ въ нестерпимый жаръ или смѣняется ощущеніемъ озноба. Эти вазомоторныя измѣненія сопровождаются рядомъ секреторныхъ явленій, которыя въ свою очередь неизбежно осложняются различными дыхательными спазмами. У экстастика катятся крупныя капли пота съ лица, выступаетъ пѣна у рта, текутъ слезы изъ глазъ. Обильныя слезы, составляющія въ нѣкоторыхъ мистическихъ сектахъ, наприм. у хлыстовъ, самое обычное и яркое проявленіе экстаза, иногда переходятъ въ рыданія, ревъ, вопли и стоны или смѣняются истерическимъ смѣхомъ, фырканіемъ, икотой, зѣвотой, членораздѣльными и нечленораздѣльными криками. Наконецъ, къ этому иногда присоединяется рядъ своеобразныхъ измѣненій въ органахъ пищеваренія: появляются особенныя „трепетанія“ въ животѣ, вздутіе его (истерической метеоризмъ) и отрыжка.

Однако этими функціональными измѣненіями внутри организма физическая картина сектантскаго экстаза не исчерпывается. Внутренніе органическіе рефлексы постепенно распространяются на периферію тѣла, захватываютъ механизмъ наружныхъ мышцъ и превращаются во внѣшнія автоматическія движенія. Наступаетъ вторая стадія экстатического состоянія, та стадія, которую авторъ называетъ „періодомъ двигательнаго возбужденія“. Наблюдаемая въ этомъ періодѣ произвольныя движенія г. Коноваловъ дѣлитъ на 3 группы: *общія*, разбѣяныя по всему организму, *мѣстныя*, локализованныя въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла, и *локомоторныя*, обусловливающія перемѣщеніе тѣла въ пространствѣ. Къ первой группѣ принадлежатъ двигательные рефлексы, являющіеся непосредственнымъ отраженіемъ тѣхъ внутреннихъ

„трепетаній“, которыя характеризуютъ первый періодъ сектантскаго экстаза: общія судорожныя подергиванія тѣла, трясеніе, дрожь. Вторая группа сложнѣе. Сюда относятся разнообразныя движенія, вызываемыя автоматическимъ сокращеніемъ отдѣльныхъ координированныхъ мышцъ, — наприм., закатываніе глазъ, гримасы и контрактуры лица и рта, покачиванія головой, подергиванія плечъ, различныя движенія рукъ, „страстныя позы“ (особенно поза распятія), бѣненіе въ грудь, самоистязаніе, эротическіе жесты и тѣлодвиженія, автоматическіе поклоны, колѣнопреклоненія, притопываніе и т. п. Въ развитіи этихъ мѣстныхъ движеній у сектантовъ—экстатиковъ авторъ наблюдаетъ дѣйствіе закона, которому, впрочемъ, подчиняются всѣ вообще тѣлесныя выраженія эмоцій: мышечныя сокращенія распространяются здѣсь *въ направленіи сверху внизъ*, отъ головы къ ногамъ. Когда двигательное возбужденіе захватываетъ мускулы ногъ, появляется группа локомоторныхъ движеній. Этотъ переходъ отъ мѣстныхъ движеній къ локомоторнымъ совершается или постепенно, или мгновенно. Въ первомъ случаѣ локомоторныя движенія экстастика начинаются простымъ хожденіемъ, которое мало по малу переходитъ въ бѣганіе; во второмъ наблюдаются болѣе или менѣе внезапныя прыжки, скаканье, вращеніе и круженіе. Наконецъ, все это завершается пляской, которая подчасъ принимаетъ совершенно истерическій характеръ, переходитъ въ конвульсіи, сопровождается спастическими криками, сладострастною мимикой и всевозможными неистовствами.

Когда эти тѣлодвиженія ослабѣваютъ или прекращаются, двигательное возбужденіе сектанта локализуется въ одной специальной группѣ мышцъ,—въ артикуляторномъ аппаратѣ, и наступаетъ третій періодъ экстаза, періодъ „возбужденія функцій рѣчи“. Автоматическая рѣчь сектантовъ, имѣющая непосредственную связь съ спастическими криками предшествующихъ періодовъ, представляетъ два типа: она состоитъ, съ одной стороны, въ произнесеніи „непонятныхъ словъ“ (глоссы), не существующихъ ни въ какомъ человѣческомъ языкѣ, съ другой—въ изреченіяхъ, построенныхъ изъ словъ и выражений родного языка или какого-нибудь другого извѣстнаго сектанту нарѣчія. Въ первомъ случаѣ мы

имѣемъ сектантскую глоссолалію, во второмъ сектантское пророчество.

Приводимые авторомъ интересные образцы сектантской глоссолаліи показываютъ, что она состоитъ изъ бессмысленныхъ неологизмовъ, основанныхъ на механическомъ подборѣ созвучій и имѣющихъ обыкновенно ритмическую и приемованную форму. Само собою разумѣется, что этотъ бессмысленный наборъ словъ остается непонятнымъ не только для присутствующихъ, но и для самого глоссолала; но чѣмъ непонятнѣе глоссолалическая рѣчь, тѣмъ очевиднѣе для сектантовъ ея сверхъестественный характеръ. Сектанты принимаютъ ее за откровеніе Св. Духа, говорящаго ихъ устами на невѣдомомъ языкѣ, подобно тому, какъ Онъ говорилъ чрезъ апостоловъ въ день пятидесятницы; и среди присутствующихъ на сектантскихъ радѣніяхъ всегда находятся лица, обладающія, въ pendant къ этому „дару языковъ“, „даромъ истолкованія“, т. е. способностью переводить глоссолалическія изреченія по русски. Обыкновенно сектантское „языкоговореніе“ имѣетъ характеръ монолога; но иногда въ немъ участвуетъ нѣсколько лицъ и оно превращается въ своеобразный разговоръ „на разныхъ языкахъ“ Любопытно, что автоматическая рѣчь въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяется у сектантовъ съ автоматическимъ письмомъ: безграмотный глоссолалъ чертитъ какія-то непонятныя каракули, которыя принимаются за иностранныя буквы и слова и въ свою очередь квалифицируются какъ проявленія сверхъестественнаго „дара языковъ“. Сектантское пророчество носитъ отпечатокъ такого же автоматизма, какъ и глоссолалія, но имѣетъ въ общемъ нѣсколько болѣе вразумительную форму. Оно состоитъ не столько въ предсказаніяхъ будущаго, сколько въ своеобразныхъ увѣщаніяхъ моральнаго характера, въ обличеніи чужихъ грѣховъ и помысловъ и въ такъ называемомъ „чтеніи писанія по гласу“, т. е. въ буквальномъ или искаженномъ воспроизведеніи выдержекъ изъ св. писанія и другихъ религіозныхъ книгъ яко-бы по „гласу“ или наитію Св. Духа.

Авторъ довольно подробно описываетъ способъ произнесенія глоссолалическихъ и пророческихъ рѣчей на сектантскихъ собраніяхъ, останавливается на сопутствующихъ этимъ рѣчамъ проявленіяхъ нервнаго возбужденія, опредѣляетъ

ихъ продолжительность, отмѣчаетъ ихъ автоматизмъ, наконецъ, въ заключеніе даетъ краткій анализъ или, можетъ быть, точнѣе характеристику ихъ по формѣ и содержанію.

Вотъ длинная цѣль фактовъ, которые проходятъ передъ глазами читателя въ книгѣ г. Коновалова. Авторъ почти не пытается объяснять эти факты по существу и не дѣлаетъ изъ нихъ никакихъ выводовъ, такъ какъ то и другое составляетъ задачу дальнѣйшихъ частей его изслѣдованія. Пока онъ только *описываетъ* изучаемыя имъ явленія. Но онъ описываетъ ихъ *научно*, и въ этомъ именно состоитъ новизна и выдающаяся цѣнность его труда. Описать научно извѣстную группу явленій значить дать этимъ явленіямъ надлежащую классификацію, изобразить ихъ въ генетической связи между собою, установить ихъ особенности на основаніи бесспорныхъ и по возможности полныхъ данныхъ, наконецъ, сблизить ихъ съ другими явленіями, имѣющими сходныя съ ними черты. Вотъ эти то требованія научной работы и выполняетъ въ рѣдкой степени диссертация г. Коновалова. Мы видѣли ту общую схему, при помощи которой авторъ классифицируетъ физическія обнаруженія сектантскаго экстаза. Сама по себѣ эта схема не нова: г. Коноваловъ, очевидно, заимствовалъ ее у психіатровъ изъ ихъ обычной клинической картины большой истеріи. Но является совершенно новой попытка детального примѣненія этой схемы къ изученію сектантскаго экстаза. Если оставить въ сторонѣ нѣсколько общихъ замѣчаній, какія можно найти въ курсахъ и монографіяхъ русскихъ психіатровъ, то до сихъ поръ еще никто не далъ себѣ труда *систематически* разобраться въ проявленіяхъ религіознаго энтузіазма нашихъ мистическихъ сектъ при помощи наблюденій надъ тѣмъ самымъ психозомъ, на почвѣ котораго эти секты преимущественно возникли. И причина этого та, что до сихъ поръ никто изъ изслѣдователей русскаго сектантства не обладалъ такими разносторонними знаніями, какими обладаетъ г. Коноваловъ: психіатры, за немногими исключеніями, не знали сектъ, а сектовѣды (уже безъ всякихъ исключеній) не знали психіатріи. Пользуясь названною схемой, г. Коноваловъ далъ намъ замѣчательно стройный обзоръ физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза. Три различаемыхъ имъ періода экстатическихъ припадковъ служатъ ему общими кадрами, въ

которыхъ онъ размѣщаетъ, какъ ячейки, отдѣльныя группы органическихъ рефлексовъ, автоматическихъ движеній и состояній религіознаго бреда, съ тѣмъ, чтобы разложить въ этихъ ячейкахъ на опредѣленныхъ мѣстахъ всѣ возможныя тѣлесныя явленія, какія когда-либо наблюдались у сектантовъ въ минуты религіознаго энтузіазма. И въ этой группировкѣ названнаго явленія представляются связанными между собой какъ звенья цѣпи, какъ стадіи одного процесса, какъ элементы одного состоянія. Каждое изъ нихъ является продолженіемъ, развитіемъ или осложненіемъ предшествующаго и изъ общей совокупности ихъ слагается картина все болѣе и болѣе нарастающаго нервнаго возбужденія. Внутреннія органическія перемѣны превращаются въ периферическія движенія, а периферическія движенія окончательно разряжаются въ автоматической дѣятельности рѣечевого аппарата, и отдѣльные моменты этихъ стадій цѣпляются другъ за друга какъ колеса часового механизма.

Нетрудно видѣть, что эта классификаціонная схема является плодомъ многихъ, чисто теоретическихъ, размышлений. При детальной разработкѣ и конкретномъ заполненіи ея авторъ имѣлъ дѣло съ своего рода логическою шарадою, разрѣшить которую ему, очевидно, стоило массы труда. И тѣмъ не менѣе въ его изложеніи эта схема утрачиваетъ характеръ простаго теоретическаго построенія. Каждая черта, намѣченная имъ въ картинѣ сектантскаго экстаза, устанавливается на основаніи множества фактовъ, внимательно изученныхъ и тщательно подобранныхъ; каждое положеніе, каждая характеристика подтверждаются цѣлымъ рядомъ цитатъ, извлеченныхъ изъ печатныхъ или рукописныхъ документовъ. У г. Коновалова еще нѣтъ непосредственнаго знакомства съ мистическимъ сектантствомъ, нѣтъ личныхъ наблюденій, которыя позволяли бы ему судить объ описываемыхъ имъ явленіяхъ въ качествѣ очевидца, и это, конечно, составляетъ большой пробѣлъ въ его работѣ; но его знакомство съ матеріалами и литературой по изучаемому имъ вопросу изумительно. Среди печатныхъ изданій и сочиненій, касающихся русскихъ мистическимъ сектъ, нѣтъ, повидимому, ничего сколько-нибудь цѣннаго, что осталось бы ему неизвѣстнымъ. Изданія архивныхъ матеріаловъ по сектантскимъ дѣламъ, собранія синодскихъ и правительственныхъ поста-

новленій по сектантству и расколу, полемическія сочиненія противъ сектъ и ересей, наблюденія миссіонеровъ, рассказы этнографовъ и туристовъ, отчеты и заключенія врачей, случайныя сообщенія частныхъ лицъ,—все это использовано имъ для своей цѣли. Не только книги и значительныя журнальныя статьи, но даже мелкія газетныя замѣтки не ускользають отъ его вниманія. Кто читаетъ наши несчастныя Епархіальныя Вѣдомости или ищетъ въ нихъ научнаго матеріала? Между тѣмъ г. Коноваловъ просмотрѣлъ ихъ за цѣлый рядъ лѣтъ и извлекъ изъ нихъ много чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ. Въ какихъ-нибудь Камчатскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ онъ находитъ весьма важныя сообщенія объ Амурскихъ прыгунахъ; въ Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 70-е годы онъ открываетъ не менѣе важные материалы для изученія секты шалопуговъ; въ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 60-ые годы онъ знакомится съ интересною исповѣдью обратившагося въ православіе хлыста; въ однихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ онъ отыскиваетъ описанія хлыстовскихъ радѣній, въ другихъ варианты сектантскихъ духовныхъ стиховъ, и т. д. Но главная его заслуга заключается все-таки не въ этомъ: кромѣ печатныхъ изданій, г. Коноваловъ использовалъ въ своей работѣ массу *рукописнаго* матеріала, до сихъ поръ разработаннаго очень мало или въ большинствѣ случаевъ даже совсѣмъ не затронутаго. Этотъ рукописный матеріалъ доставили ему главнымъ образомъ сектантскія „дѣла“, хранящіяся въ архивахъ окружныхъ судовъ и духовныхъ консисторій. Насколько можно судить по его цитатамъ, такихъ дѣлъ было въ его распоряженіи при обработкѣ одного лишь настоящаго выпуска его изслѣдованія до 28, и ему приходилось доставать ихъ не только изъ различныхъ городовъ Европейской Россіи, но даже изъ Пріамурскаго края и Сырь-Дарьинской области. Уже одно отысканіе и добываніе этихъ „дѣлъ“ стоило много времени и хлопотъ; тѣмъ болѣе труда требовало ихъ изученіе. Автору приходилось прочитывать иногда цѣлыя фоліанты слѣдственныхъ актовъ, свидѣтельскихъ показаній и „вещественныхъ доказательствъ“, чтобы изъ массы ненужныхъ ему подробностей извлечь нѣсколько данныхъ для характеристики извѣстныхъ явленій сектантскаго экстаза. Если бы г. Коноваловъ ограничился тѣмъ двухгодич-

нымъ срокомъ, который предоставлялся ему академическимъ уставомъ для приготовления магистерской диссертациі, онъ не имѣлъ-бы простой физической возможности дать намъ свою книгу; но даже принимая во вниманіе, что эта книга есть плодъ семилѣтняго труда, нельзя не изумляться его необычайной энергіи и трудолюбію.

Однако это не все. Научная задача автора не была бы выполнена, если бы онъ, описывая физическіе симптомы сектантскаго экстаза на основаніи собраннаго имъ матеріала, не попытался сравнить ихъ съ другими сходными явленіями, нормальными или патологическими. Радѣнія нашихъ сектантовъ, не смотря на всю ихъ своеобразность, не представляютъ собой чего-либо специфически русскаго или исключительно мѣстнаго: явленія, сходныя или аналогичныя съ ними, наблюдались во всѣ времена и у всѣхъ народовъ земного шара. Обнаруженія религіознаго энтузіазма по существу вездѣ одинаковы; разница главнымъ образомъ только въ томъ, что въ силу иной исторической обстановки, особенностей культурной среды и различнаго склада міросозерцанія они не вездѣ одинаково оцѣнивались и квалифицировались. Чтобы правильно понять такія явленія, нужно освободить ихъ отъ идейныхъ наслоеній среды и эпохи и сблизить между собою по ихъ сходнымъ чертамъ. Г. Коноваловъ такъ именно и дѣлаетъ. Описывая физическія проявленія сектантскаго экстаза, онъ отыскиваетъ „параллели“ для нихъ въ различныхъ культурахъ и сектахъ христіанскаго и внѣхристіанскаго міра: у представителей оргіастическихъ культовъ древней Греціи, въ древне-христіанскомъ культѣ мучениковъ, въ пророческой экзальтаціи древнихъ монтанистовъ, въ религіозныхъ и демонопатическихъ эпидеміяхъ среднихъ вѣковъ, у средневѣковыхъ экстатиковъ и мистиковъ, у французскихъ кальвинистовъ—„камизаровъ“ и янсенистовъ—конвульсіонеровъ XVII и XVIII в.в., у англійскихъ, нѣмецкихъ, финскихъ и еврейскихъ прыгуновъ разныхъ эпохъ, у шведскихъ экстатиковъ первой половины прошлаго вѣка, у прежнихъ и новѣйшихъ европейскихъ и заатлантическихъ „ревивалистовъ“, у древнихъ и современныхъ религіозныхъ энтузіастовъ православнаго Востока, у првингіанъ, у сѣверо-американскихъ мормоновъ, у мусульманскихъ дервишей, у сибирскихъ шамановъ, и проч. Нор-

мальные элементы сектантскаго экстаза авторъ стремится сблизить съ обыденными фактами русской народной жизни, какъ она отразилась въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ; патологическую сторону этого состоянія онъ освѣщаетъ на основаніи фактовъ психологическаго автоматизма и клиническихъ наблюденій. Онъ сопоставляетъ сектантскихъ экстатиковъ и пророковъ съ народными „бѣсноватыми“ и кликушами, открываетъ у нихъ явленія медіумическаго транса, сомнамбулизма и гипноза, отмѣчаетъ симптомы истеріи, хореи, кататоніи и проч. Эти сопоставленія дѣлаются имъ обыкновенно въ формѣ краткихъ (подчасъ даже слишкомъ краткихъ) заключеній и справокъ въ текстѣ и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; но иногда такія справки разрастаются у него въ цѣлые экскурсы значительныхъ размѣровъ, вставленные въ текстъ. Таковы интересные экскурсы о христіанской хореѣ (стр. 135—157) и глоссолаліи (175—193). Цѣль, съ которою авторъ собираетъ всѣ эти аналогіи, состоитъ не въ томъ, чтобы выяснить природу сектантскаго экстаза: онъ приводитъ ихъ только какъ „параллели“. Но эти параллели создаютъ для описываемыхъ имъ фактовъ такую обстановку, въ которой факты говорятъ сами за себя. Благодаря имъ общій характеръ явленій опредѣляется самъ собой и становится ясенъ тотъ путь, который ведетъ къ ихъ объясненію. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разнообразяетъ и оживляетъ книгу, какъ оживляютъ ее многочисленныя эпиграфы и цитаты изъ сектантскихъ духовныхъ стиховъ.

Значить-ли это, что диссертація Д. Г. Коновалова во всѣхъ отношеніяхъ безупречна и не вызываетъ никакихъ возраженій? Этого сказать, конечно, нельзя. Возраженія возможны, и они касаются прежде всего самаго метода, которому слѣдуетъ авторъ. Какъ мы видѣли, г. Коноваловъ изучаетъ въ своей книгѣ исключительно физическія явленія сектантскаго экстаза, не касаясь его внутренней, психической стороны. Но такое обособленіе этихъ двухъ группъ явленій едва ли можетъ быть названо естественнымъ и цѣлесообразнымъ. Физическіе симптомы экстаза и переживаемыя въ немъ душевныя состоянія до такой степени тѣсно связаны между собой, что ихъ невозможно даже мыслить отдѣльно. Это двѣ стороны одного и того же процесса, двѣ части одного нераздѣльнаго цѣлаго, два элемента одного соедине-

нія. Выдѣлите изъ воды кислородъ и водородъ, и воды не будетъ. Точно такъ же не будетъ никакого экстаза, если вы обособите въ немъ психическія переживанія и извлечете одни физическія измѣненія. Произведенная авторомъ операція не только разрушаетъ естественную связь изучаемыхъ имъ явленій, но даже грозитъ подчасъ дать совершенно ложное представленіе о самомъ ихъ характерѣ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Когда у сектанта во время экстаза катятся обильныя слезы изъ глазъ, то значить-ли это, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ простымъ секреторнымъ рефлексомъ, механически подготовленнымъ или вызваннымъ предшествовавшими вазомоторными измѣненіями? Конечно нѣтъ, потому что въ основѣ этихъ слезъ лежатъ кромѣ чисто фізіологическаго механизма еще представляемые экстазикомъ образы и переживаемыя имъ эмоціи. Когда радѣющій сектантъ пускается въ пляску, можно ли описывать это явленіе какъ простое автоматическое распространеніе двигательнаго возбужденія съ мышцъ туловища на нижнія конечности? Вѣдь пляска сектанта есть выраженіе его религіознаго восторга и воплощеніе представленія о царѣ Давидѣ, плясавшемъ передъ ковчегомъ завѣта. Это не столько группа автоматическихъ движеній, сколько *идеомоторный актъ*. Когда религіозная экзальтація сектанта проявляется въ верченіи и круженіи, то правильно-ли разсматривать эти движенія какъ простые подготовительные моменты къ пляскѣ и зачислять ихъ въ одну категорію съ послѣдней? Авторъ не долженъ, конечно, забывать, что онъ занимается не простою классификаціей человѣческихъ движеній вообще, а описаніемъ движеній *сектантскаго экстаза*; между тѣмъ въ картинѣ сектантскаго экстаза вращательныя и плясовыя движенія занимаютъ совершенно различное мѣсто и имѣютъ прямо противоположное значеніе. Если пляска является у сектантовъ выраженіемъ извѣстныхъ душевныхъ состояній, то, наоборотъ, верченіе служитъ имъ (какъ и дервишамъ) средствомъ вызвать у себя извѣстное душевное состояніе, состояніе, имѣющее полное сходство съ гипнозомъ. Если въ первомъ случаѣ мы видимъ идеомоторное дѣйствіе, то во второмъ дѣло идетъ, какъ это знаетъ самъ авторъ, объ *экстазогенномъ* приѣмѣ. Когда на сектантскихъ собраніяхъ одни экстазики становятся въ позу распятія, а другіе ска-

чуть нагишомъ, будетъ-ли цѣлесообразно описывать первое явленіе какъ простую разновидность „мѣстных“ движеній (на стр. 68—70), а второе разсматривать какъ болѣе сложную форму локомоторнаго возбужденія (на стр. 131—133)? Вѣдь въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ актами одного и того же порядка, и притомъ опять-таки съ идеомоторными актами, съ реализаціей идеи распятаго Христа и безгрѣшнаго Адама. Взаимную зависимость физическихъ и психическихъ элементовъ экстаза можно представлять себѣ такъ или иначе: въ однихъ случаяхъ физическія явленія могутъ считаться слѣдствіемъ психическихъ, въ другихъ наоборотъ. Но каково бы ни было ихъ взаимное отношеніе, ихъ можно изслѣдовать только въ связи между собой.

Не свободна отъ недостатковъ и та классификаціонная схема, которую авторъ кладетъ въ основу своихъ описаній. Какъ я уже упоминалъ, эта схема построена имъ на основаніи клиническихъ наблюденій надъ истеричными. Французскіе психіатры, особенно тщательно изучившіе этотъ психоневрозъ, различаютъ въ припадкахъ большой истеріи нѣсколько періодовъ. Послѣ продромальной стадіи, приблизительно соответствующей тѣмъ органическимъ измѣненіямъ, которыя составляютъ у г. Коновалова первый періодъ сектантскаго экстаза, въ ихъ описаніяхъ этой болѣзни обыкновенно слѣдуютъ три или четыре періода „двигательнаго возбужденія“: періодъ эпилептоидныхъ судорогъ, „клоунизма“, страстныхъ позъ“ и хореатическихъ движеній, за которыми наступаетъ послѣдній періодъ припадка, періодъ галлюцинаторнаго бреда. Вотъ эту то психіатрическую схему, послѣ нѣкотораго ея упрощенія, авторъ и приспособилъ къ изучаемымъ имъ явленіямъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что названная схема представляется въ значительной степени искусственною даже для истеріи. Она возникла главнымъ образомъ въ школѣ Шарко, вообще склонной къ подобнымъ схематическимъ обобщеніямъ, и многіе психіатры, напр. нѣмецкіе, ее не признаютъ. Сгруппированныя въ ней явленія могутъ чередоваться безъ всякаго порядка: наприм., припадки бреда часто прерываются судорогами и большими движеніями, и наоборотъ; одни состоянія повторяются нѣсколько разъ, другія совсѣмъ отсутствуютъ. Тѣмъ болѣе искусственною оказывается эта схема въ примѣненіи къ сек-

тантскому экстазу, который гораздо сложнее обычной клинической истерии. Если генетическую связь явлений, относимых авторомъ къ первому и второму періоду экстаза, въ общемъ еще можно допустить, то сектантская глоссолалія и сектантское пророчество отнюдь не могутъ считаться простою завершительною стадіей ихъ. Какъ показываютъ при водимые авторомъ факты, глоссолалическій и пророческій бредъ можетъ обнаруживаться у сектантовъ совершенно независимо отъ явленій двигательнаго возбужденія. Обыкновенно онъ подготавливается изнурительнымъ постомъ и является на сектантскихъ радѣніяхъ такою же случайною и индивидуальною формою разряженія религіознаго энтузіазма, какъ рыданія, конвульсіи, самоистязанія и пляска. Повидимому, отношеніе двигательныхъ рефлексовъ къ религіозному бреду у сектантовъ можетъ быть даже обратнымъ: эти рефлексы могутъ не предшествовать ему, а слѣдовать за нимъ, быть его спутниками. Вотъ почему въ дополненіе къ очерку сектантскаго пророчества авторъ принужденъ былъ снова описывать въ концѣ своей книги (стр. 237—239) тѣ же самыя органическія и моторныя явленія, которыя онъ излагалъ въ ея началѣ. Глоссолалическій и пророческій бредъ, конвульсіи, „страстныя“ или театральныя позы, эротическіе жесты и тѣлодвиженія, самоистязанія, различныя неистовства и проч.,—все это, конечно, явленія истерическаго характера. Но кромѣ нихъ въ картинѣ сектантскаго экстаза наблюдается много чертъ совершенно нормальныхъ, много обычныхъ выраженій сильнаго религіознаго воодушевленія, сильныхъ эмоцій, живыхъ образовъ, могучихъ, хотя, быть можетъ, и ложныхъ стремленій, даже не мало весьма банальныхъ обнаруженій сознательнаго разсчета и преднамѣренной симуляціи, и уложить всѣ эти нормальные факты въ принятую авторомъ схему еще болѣе трудно, чѣмъ факты патологическіе. Правда, въ началѣ своего изслѣдованія авторъ дѣлаетъ общую попытку установить грань между обычными, нормальными формами сектантской экзальтаціи и формами болѣе рѣдкими и болѣзненными; но въ дальнѣйшемъ его изложеніи эта грань въ значительной степени стирается и у иного читателя можетъ получиться впечатлѣніе, что данная авторомъ группировка явленій сектантскаго экстаза типична для всѣхъ случаевъ.

Какъ уже сказано выше, авторъ стремится подтвердить каждое свое положеніе цѣлымъ рядомъ документальныхъ ссылокъ. Это, конечно, превосходный приемъ, но его не нужно утрировать. Текстуальныя выдержки изъ документовъ совершенно необходимы, когда онѣ могутъ дополнить описываемое явленіе новыми чертами или освѣтить его съ новыхъ сторонъ, но онѣ становятся излишними, когда ихъ содержаніе одно и то же. Обиліемъ такихъ именно однообразныхъ выдержекъ и страдаетъ книга г. Коновалова. Для доказательства какого-нибудь, иногда довольно обыкновеннаго, факта, наприм. того, что сектанты во время перваго періода экстаза кричатъ (стр. 35—38), авторъ приводитъ цѣлую коллекцію документальныхъ цитатъ, изъ которыхъ съ несомнѣнностью явствуется какъ разъ именно только то, что сектанты „кричатъ“. Такое награжденіе однообразныхъ цитатъ иногда становится скучнымъ, и читателю кажется, что авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы ограничился въ подобныхъ случаяхъ собственною характеристикой явленія, выбросивъ значительную часть текстуальныхъ извлеченій или снеся ихъ въ подстрочныя примѣчанія. Если въ ссылкахъ на сектантскіе документы у автора получатся своего рода *embarras de richesse*, то приводимыя имъ параллели къ сектантскому экстазу страдаютъ замѣтными пробѣлами. Всего болѣе эти пробѣлы чувствуются въ изученіи средневѣковой мистики и фактовъ спиритизма, сомнамбулизма и гипнотизма. У великихъ мистиковъ средневѣковья авторъ могъ бы найти, даже въ сферѣ чисто физическихъ обнаруженій экстаза, гораздо больше аналогій съ нашими сектантами, чѣмъ онъ приводитъ, а двигательныя и глоссолалическія проявленія подсознательнаго у сомнамбуловъ, гипнотиковъ и спиритическихъ медиумовъ могли бы дополнить изображаемую имъ картину еще многими новыми и интересными чертами. Авторъ превосходно знакомъ съ психіатріей, которою онъ спеціально занимался въ клиникахъ Московскаго университета; тѣмъ не менѣе относящіяся къ его предмету психіатрическія наблюденія надъ истеричными, эпилептиками, хореиками, кататониками и параноиками использованы имъ не совсѣмъ полно. Иногда его клиническія справки носятъ даже какой-то неможно случайный характеръ. Наприм., такіе патологическіе симптомы сектантскаго экстаза,

какъ трепетаніе сердца и внутренностей, истерическій смѣхъ, животное-подобные крики, вздутіе живота, закатываніе глазъ, эротическіе тѣлодвиженія и жесты, страстныя позы, салъгаторные спазмы, поясняются имъ на основаніи данныхъ истеріи, между тѣмъ какъ другія не менѣе характерныя истерическія и эпилептоидныя явленія, вродѣ преувеличенныхъ термическихъ ощущеній, пѣны у рта, „дара слезъ“, икоты, фырканья, различныхъ судорогъ и контрактуръ, почему-то не находятъ себѣ подобныхъ аналогическихъ поясненій.

Я исчерпалъ почти все существенное, что, по моему мнѣнію, можно было-бы назвать недостатками книги г. Коновалова, и теперь мнѣ приходится сознаться, что эти недостатки совершенно относительны и могутъ быть поставлены въ счетъ автору только при тѣхъ особенно повышенныхъ требованіяхъ, какія мы въ правѣ предъявлять къ его выдающемуся научному таланту. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ изслѣдованіи такихъ сложныхъ, неясныхъ и спорныхъ явленій, какъ сектантскій экстазъ, вопросъ о методѣ всегда имѣетъ условный характеръ, и чтобы окончательно судить о томъ, насколько автору удастся выяснитъ истинную природу и подлинную внутреннюю связь физическихъ и психическихъ элементовъ этого состоянія, нужно подождать дальнѣйшихъ частей его труда. Нѣкоторая искусственность его классификаціонной схемы является неизбѣжной. Дѣйствительность вообще несравненно сложнѣе нашихъ научныхъ формулъ, и тотъ, кто хочетъ заключить ее въ теоретическія рамки, поневолѣ долженъ ее стилизовать. Разъ авторъ вздумалъ понять явленія сектантскаго экстаза на почвѣ истеріи,—а иначе ихъ понять и нельзя,—ему не оставалось ничего другого, какъ съ извѣстными видоизмѣненіями принять существующую (и въ общемъ все такъ соответствующую дѣйствительнымъ фактамъ) схему истерическихъ припадковъ. И онъ тѣмъ болѣе имѣлъ право это сдѣлать, что названная схема дала ему великолѣпную концепцію экстаза, благодаря которой нарисованная имъ картина этого состоянія получила замѣчательную стройность, послѣдовательность и ясность. Чрезмѣрное обиліе однообразныхъ цитатъ у г. Коновалова является лишь естественнымъ слѣдствіемъ его необычайно широкаго изученія сектантскихъ документовъ: это щедрость богатаго человѣка, который не знаетъ, куда дѣвать

свои деньги. Наконецъ, пробѣлы въ изученіи явленій, аналогичныхъ съ сектантскимъ экстазомъ, объясняются просто тѣмъ, что „нельзя объять необъятнаго“. Если бы авторъ вздумалъ подробно изслѣдовать все, что встрѣчается сходнаго съ физическими состояніями нашихъ сектантовъ—экстатиковъ въ различныхъ культахъ, сектахъ, религіозныхъ движеніяхъ, полусознательныхъ состояніяхъ и душевныхъ болѣзняхъ, то ему пришлось бы по каждому отдѣльному вопросу написать цѣлую диссертацию. Между тѣмъ онъ уже и безъ того сдѣлалъ такъ много, что специалистамъ по затронутымъ имъ вопросамъ часто приходится не столько его учить, сколько у него учиться. Психологъ найдетъ въ его книгѣ массу поучительныхъ фактовъ и соображеній, освѣщающихъ ту загадочную область, которая именуется психологическимъ автоматизмомъ. Психіатры познакомятся у него съ подлинными явленіями сектантскаго экстаза, о которомъ они въ большинствѣ случаевъ имѣютъ весьма смутное представленіе. Историкъ не только съ интересомъ прочтетъ его экскурсы въ область религіозныхъ движеній прошлаго, но и, наоборотъ, уяснитъ себѣ очень многое въ этихъ движеніяхъ на основаніи тѣхъ явленій, которыя авторъ отмѣчаетъ въ экстазѣ русскихъ мистиковъ—сектантовъ. Наконецъ, нашимъ сектовѣдамъ и противосектантскимъ миссіонерамъ изслѣдованіе г. Коновалова можетъ дать научное освѣщеніе многихъ такихъ фактовъ въ картинѣ сектантскаго экстаза, истинный смыслъ которыхъ имъ видимо еще совершенно неясенъ. Для русскихъ миссіонеровъ это изслѣдованіе должно быть настольною книгой уже потому, что оно можетъ избавить ихъ отъ тѣхъ невольныхъ, но весьма существенныхъ недоразумѣній и ошибокъ, которыми они иногда компрометируютъ свою противосектантскую полемику и экспертизу: прочитавъ его, вѣроятно, уже ни одинъ миссіонеръ не отнесетъ истерическаго метеоризма сектантовъ—экстатиковъ къ числу ихъ богослужебныхъ обрядовъ (стр. 52). Вообще, по своей теоретической и практической цѣнности, по широтѣ научнаго кругозора, по важности и обилію затронутыхъ проблемъ, по тщательности ихъ изученія, по массѣ собраннаго матеріала и по колоссальной начитанности автора, книга г. Коновалова представляетъ собой выдающееся явленіе. Это не только первый систематическій опытъ науч-

наго изслѣдованія русскаго мистическаго сектантства, но опытъ прямо замѣчательный, и я нисколько не преувеличу, если назову эту книгу научнымъ событіемъ въ области нашего сектовѣдѣнія.

Признавая Д. Г. Коновалова истинно достойнымъ степени магистра богословія, я считаю своимъ долгомъ привѣтствовать его съ блестящимъ началомъ его работы и пожелать ему такого же блестящаго ея продолженія“.

б) И. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громогласова*:

„Работа г. Коновалова, подлежащая разсмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертации, представляетъ, какъ видно изъ ея заглавія, лишь первый выпускъ первой части задуманнаго имъ труда, посвященнаго изученію религіознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. О томъ, чѣмъ долженъ быть этотъ трудъ въ законченномъ видѣ, ясное и отчетливое представленіе даетъ самъ авторъ въ предисловіи къ настоящему выпуску, предваряя читателей, что все изслѣдованіе будетъ состоять изъ трехъ частей:

I. Картина сектантскаго экстаза: описаніе физическихъ и психическихъ явленій экстаза въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

II. Природа, разновидности и условія возникновенія сектантскаго экстаза.

III. Значеніе экстаза въ исторіи русскаго мистическаго сектантства, въ частности—

1. Вліяніе экстаза на формацию религіозно-нравственнаго міросозерцанія сектантовъ: а) происхожденіе на почвѣ экстаза „живой вѣры“ сектантовъ въ реально-ощутимое общеніе съ Духомъ Святымъ (отождествленіе экстатическихъ переживаній съ дѣйствіями Св. Духа въ человѣкѣ); б) возникновеніе и развитіе у сектантовъ, подъ вліяніемъ экстаза, идей религіознаго и политическаго величія (сектантскіе „живые боги“—саваоен, христы и святодухи, богородицы, предтечи, ангелы, святые и цари); в) теорія многократнаго перевоплощенія Христа и душепереселенія (метемпсихозисъ); г) дуализмъ и аскетизмъ въ этическомъ міросозерцаніи сектантовъ; отрицаніе ими брака, теорія „духовнаго супружества“ и „сухой любви“.

2. Вліяніе экстаза на образованіе сектантскаго культа: происхожденіе а) радѣній, какъ искусственнаго способа вызванія экстаза, съ цѣлью „завладанія“ Св. Духомъ, и б) культа „живыхъ боговъ“.

3. Роль экстаза въ возникновеніи и развитіи сектантскихъ религіозныхъ движеній: а) эпидеміи религіознаго экстаза въ сектантствѣ; б) образованіе въ немъ общинъ, группъ и развѣтвленій; в) способъ распространенія мистическаго экстаза въ народѣ; г) рѣшеніе вопроса объ историческомъ происхожденіи русскихъ мистическихъ сектъ въ отдѣльности, начиная съ хлыстовства, при свѣтѣ выводовъ, добытыхъ путемъ изученія ихъ экстаза.

Въ заключеніе своего труда авторъ предполагаетъ дать полное *критическое* изданіе сектантскихъ духовныхъ стиховъ и напечатать обширные рукописные матеріалы, на основаніи которыхъ ведетъ свое изслѣдованіе (предисл., стр. VI—VII).

Какъ видно изъ этихъ предварительныхъ замѣчаній, г. Коноваловымъ намѣченъ чрезвычайно интересный, многообѣщающій и по истинѣ грандіозный планъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что выполненіе такого плана составило бы эпоху въ исторіи науки о русскомъ мистическомъ сектанствѣ, не имѣющей пока возможности похвалиться не только твердо установленными выводами о сущности и причинахъ названнаго явленія, но и достаточнымъ подборомъ данныхъ, способныхъ послужить опорой для этихъ выводовъ. Уже по одному этому было бы въ высшей степени несправедливо въ настоящемъ случаѣ поставить г. Коновалову въ упрекъ представленіе, въ качествѣ диссертациі на степень, лишь части своего монументальнаго труда, до окончанія котораго, безъ сомнѣнія, понадобятся еще годы упорной работы. Но такой упрекъ не можетъ имѣть мѣста еще и потому, что рассматриваемый выпускъ, взятый самъ по себѣ, представляетъ изслѣдованіе, имѣющее самостоятельную цѣнность и высокій научный интересъ независимо отъ связи съ дальнѣйшими изысканіями и выводами, частичное опубликованіе которыхъ, по словамъ автора, „не заставитъ себя долго ждать“ (тамъ же, стр. VIII).

Остановимся на качествахъ данной книги, какъ спеціальной монографіи на тему, указанную въ ея подзаголовкѣ.

Предметомъ научнаго изслѣдованія являются здѣсь физи-

ческія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Авторъ поставилъ своею задачею—дать сводное описаніе названныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ на протяженіи почти трехъ вѣковъ. Въ основу описанія положена двойная классификація изучаемыхъ фактовъ: по ихъ фізіологической природѣ и по моменту обнаруженія въ картинѣ экстатическаго приступа. Благодаря этому фізическія явленія сектантскаго экстаза проходятъ передъ глазами читателя разсматриваемой книги не только какъ разрозненныя обнаруженія повышенной религіозной настроенности у послѣдователей русскихъ мистическихъ сектъ, но и въ своей, научно устанавливаемой авторомъ, естественной послѣдовательности, какъ правильно чередующіяся внѣшнія проявленія экстатическихъ состояній. Въ послѣдовательномъ развитіи этихъ обнаруженій г. Коноваловъ различаетъ три періода, характеризуя первый, по преимуществу, возбужденіемъ органическихъ функцій, второй—двигательнымъ возбужденіемъ и третій—возбужденіемъ функцій рѣчи. Въ этой общей схемѣ стройно распредѣляются затѣмъ всѣ частныя тѣлесныя явленія сектантскаго экстаза, удостоверяемая источниками и обрисовываемыя изслѣдователемъ посредствомъ сопоставленія разрозненныхъ, взаимно восполняющихся указаній. Обзоръ этихъ явленій сопровождается многочисленными параллелями изъ исторіи религіознаго экстаза у разныхъ народовъ, которыя приводятся то спорадически, то въ формѣ особыхъ экскурсовъ, иногда довольно значительныхъ по объему и чрезвычайно интересныхъ по своему фактическому содержанию. Таковы особенно отдѣлы о религіозныхъ пляскахъ и круговращеніяхъ въ исторіи христіанской церкви (стр. 135—157) и о явленіяхъ, представляющихъ параллель къ глоссолаліи русскихъ сектантовъ. Примѣняя въ этомъ случаѣ сравнительный методъ, плодотворность котораго признана въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ научнаго знанія, авторъ имѣетъ въ виду „создать возможно болѣе широкое и прочное основаніе для своихъ выводовъ относительно природы и значенія сектантскаго религіознаго экстаза“ (стр. VII).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго изслѣдованія. Для всякаго, знакомаго съ существующей литературой о русскомъ мистическомъ сектанствѣ, уже изъ

этого блѣднаго очерка совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло съ ученой работой, обладающей всѣмъ интересомъ и свѣжестью новизны въ самой постановкѣ темы и въ способѣ ея трактованія. Доселѣ никто изъ писавшихъ о сектантствѣ не задавался мыслью—представить полное научное описаніе физическихъ явленій сектантскаго экстаза. Исслѣдователей, спеціально занимавшихся изученіемъ нѣкоторыхъ формъ русскаго мистическаго сектантства, послѣднее всего менѣ интересовало съ этой стороны. Вниманіе ихъ ограничивалось здѣсь почти исключительно искусственными формами радѣльнаго культа, разсматриваемыми въ связи съ естественными обнаруженіями повышенной сектантской религіозности. Физическія проявленія сектантскаго экстаза гораздо больше занимали миссіонеровъ - обличителей, какъ диковинныя курьезы, дававшіе поводъ говорить либо о демоническомъ вліяніи ¹⁾, либо о религіозномъ невѣжествѣ сектантской среды и шарлатанствѣ ея руководителей. Только совсѣмъ въ недавнее время въ двухъ—трехъ статьяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера врачей-экспертовъ по сектантскимъ дѣламъ, мы встрѣчаемся съ частичными попытками поставить изслѣдованіе названныхъ явленій на строго-научную почву и понять ихъ, какъ естественное, хотя и болѣзненное выраженіе религіозной экзальтаціи. На этотъ же путь становится и г. Коноваловъ, почти не имѣющій, слѣдовательно, предшественниковъ въ нашей литературѣ по предмету, имъ изслѣдуемому, и во всякомъ случаѣ сохраняющій за собою полное право на научный пріоритетъ постановки общаго вопроса о возможности и необходимости изученія русскаго мистическаго сектантства съ той стороны, разработка которой составляетъ содержаніе труда, нами разсматриваемаго.

Не трудно догадаться, что при такой постановкѣ изслѣдованія даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ указаній

¹⁾ Характерный образецъ классификаціи физическихъ явленій религіознаго экстаза Тамбовскихъ хлыстовъ—богомоловъ съ указанной точки зрѣнія данъ небаезизвѣстнымъ миссіонеромъ іеромонахомъ Арсеіемъ въ его отчетѣ г. синодальному оберъ-прокурору К. П. Побѣдоносцеву (СПБ. 1888); здѣсь означенныя явленія олицетворяются въ видѣ „семи духовъ“: духа грома, молвіи, обличенія, идолосокрушенія, томленія, ревнованія и духа подъ названіемъ „летунъ“ См. названнаго отчета стр. 27—28

на матеріаль для него г. Коноваловъ не могъ найдти въ работахъ своихъ предшественниковъ по изученію русскаго мистическаго сектантства. Въ изысканіи необходимыхъ фактическихъ данныхъ, обрисовывающихъ физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза, онъ долженъ былъ чувствовать себя всецѣло предоставленнымъ собственной научной энергіи и трудолюбію, для которыхъ нелегкимъ испытаніемъ являлся обязательный пересмотръ однихъ только печатныхъ источниковъ, статей и замѣтокъ, дававшихъ поводъ *предполагать* тѣ или другія свѣдѣнія объ изслѣдуемомъ предметѣ. Нельзя не подивиться той терпѣливой настойчивости, съ которою г. Коноваловъ обслѣдовалъ все закоулки этого „великаго и пространнаго моря“, не жалѣя времени и труда для того, чтобы отыскать на страницахъ какого-нибудь малодоступнаго изданія давно забытый или никѣмъ не замѣченный ранѣе фактъ, пригодный для данной работы. Но главную заслугу неутомимаго изслѣдователя составляетъ приведеніе въ извѣстность и использование громаднаго рукописнаго матеріала, въ значительной своей части впервые вводимаго въ научный оборотъ и во всякомъ случаѣ—доселѣ не привлекавшаго къ себѣ ничьего вниманія богатыми данными для изученія сектантскаго экстаза. Въ разсматриваемомъ трудѣ г. Коновалова цитуются двѣ рукописи, специально посвященныя русскому мистическому сектантству (сочиненіе П. И. Мельнилова—Ереси въ Нижегород. губ. и рукописный сборникъ о хлыстахъ и скопцахъ—изъ бібліотеки Нижегород. дух. сем.) и не менѣе 28 судебныхъ дѣлъ, разысканныхъ по разнымъ архивамъ и заключающихъ въ себѣ сотни и тысячи листовъ, откуда по крупницамъ собирались драгоценныя и яркія указанія на тѣ или другія тѣлесныя обнаруженія экстаическихъ состояній у нашихъ сектантовъ—мистиковъ. Разсматриваемое изслѣдованіе всего болѣе и опирается на этотъ рукописный матеріаль, пополняя его, гдѣ нужно, свѣдѣніями, уже опубликованными въ печати. Въ общемъ по новизнѣ и полнотѣ своихъ источниковъ оно должно быть признано явленіемъ безспорно выдающимся, еще небывалымъ въ нашей литературѣ о русскомъ сектантствѣ.

Указанными качествами источниковъ характеризуется и фактическое содержаніе книги, чрезвычайно богатое новыми данными, относящимися къ предмету изслѣдованія. Обиліе

этихъ данныхъ таково, что по мѣстамъ доходить до расточительности. При чтеніи книги г. Коновалова почти всюду чувствуется, что авторъ не имѣлъ недостатка въ свѣдѣніяхъ, нужныхъ для его цѣли: характеризуя то или другое явленіе сектантскаго экстаза, онъ щедрою рукою черпаетъ примѣры и доказательства изъ своихъ первоисточниковъ, въ большинствѣ случаевъ давая совершенно новые факты или ставя ранѣе извѣстные въ новой научной перспективѣ. И если для нѣкоторыхъ изъ читателей изобиліе однородныхъ фактовъ можетъ иногда показаться излишнимъ и, пожалуй, утомительнымъ, то специалистъ—сектовѣдь долженъ пожалѣть развѣ лишь о краткости многочисленныхъ выдержекъ изъ интереснаго и трудно доступнаго матеріала, путь къ которому впервые проложенъ г. Коноваловымъ.

Наиболѣе трудную часть его работы, безъ сомнѣнія, представляла систематизація добытыхъ свѣдѣній, въ связи съ выясненіемъ вопроса о томъ, о какомъ физиологическомъ явленіи въ нихъ идетъ рѣчь (что, напр., нужно разумѣть подъ аллегорическимъ выраженіемъ сектантки: „затрепещется у ней въ утробѣ Духъ Святой яко голубъ“? и т. п.),—распредѣленіе описываемыхъ явленій въ извѣстной послѣдовательности, возстановленіе по разрозненнымъ отрывкамъ цѣльной и полной картины сектантскаго экстаза. Нужна была большая и настойчивая работа мысли, а главное—солидный запасъ специальныхъ научныхъ знаній, чтобы классифицировать описываемыя явленія по ихъ физиологической природѣ и установить ихъ естественную преемственность въ теченіи экстагического приступа. Такими свѣдѣніями доселѣ не располагалъ никто изъ нашихъ профессиональныхъ сектовѣдovъ, и пишущій эти строки всего менѣе можетъ признать себя компетентнымъ въ оцѣнкѣ результатовъ работы г. Коновалова съ только-что указанной стороны. Возможно, что специальная критика внесетъ тѣ или другія поправки въ построенія автора и дастъ иное освѣщеніе нѣкоторымъ, сообщаемымъ имъ, фактамъ, но можно сказать съ полною увѣренностію, что самое указаніе фактическихъ данныхъ, характеризующихъ физиологическую сторону экстагическихъ состояній, будетъ съ признательностію встрѣчено и въ той научной средѣ, для которой описываемыя явленія интересны лишь съ естественно-медицинскою точки зрѣнія. Да и самая

классификація этих явленій опирается на такомъ солидномъ и прочномъ фундаментѣ, что трудно представить себѣ, по крайней мѣрѣ—для профана, возможность въ ней существенныхъ поправокъ и измѣненій. Во всякомъ случаѣ, за изслѣдованіемъ г. Коновалова въ исторіи науки о русскомъ мистическомъ сектанствѣ навсегда останется заслуга перваго опыта научнаго построенія цѣлой картины сектантскаго экстаза въ его физическихъ обнаруженіяхъ.

Значительную цѣнность этому изслѣдованію придаютъ тѣ многочисленныя параллели, которыми сопровождается обзоръ физическихъ явленій религіознаго экстаза въ русскомъ сектанствѣ. Авторъ совершенно правильно обозначаетъ ближайшее значеніе этихъ дополнительныхъ указаній и сопоставленій описываемыхъ фактовъ съ аналогичными проявленіями религіозно-экстатическихъ состояній въ другой общественной средѣ и при иной исторической обстановкѣ, напоминая о плодотворности сравнительнаго метода. Примѣненіе его дѣйствительно создаетъ болѣе прочную и широкую базу для тѣхъ конечныхъ выводовъ, которые уже и теперь для свѣдущаго читателя достаточно ясно просвѣчиваютъ изъ-за фактическихъ сообщеній. Обиліе приводимыхъ авторомъ параллелей и одинаково поразительное сходство ихъ съ проявленіями религіознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ, не смотря на принадлежность самымъ различнымъ народамъ, мѣстностямъ и временамъ, представляютъ важное основаніе для вывода о возможности самобытнаго происхожденія хлыстовства, древнѣйшей изъ нашихъ мистическихъ сектъ,—вывода, къ которому, очевидно, склоняется авторъ и который такъ упорно отвергался многими русскими сектовѣдами, главнымъ образомъ, въ виду наличности нѣкотораго сходства хлыстовства съ той или другой иноземной сектой (богомилловъ, гейслеровъ, квакеровъ, дервишей и т. п.). Едва-ли теперь, послѣ изслѣдованія г. Коновалова, явится у кого-либо смѣлость и охота, не располагая прямыми фактическими данными, доказывать, что наше мистическое сектанство есть явленіе занесенное со стороны проповѣдниками какой-либо иноземной секты, хотя бы и во многомъ сходной съ нимъ. Онъ скорѣе постарается самое сходство объяснить одинаковой природой всѣхъ людей, гдѣ бы и когда бы они ни жили. Но значеніе упомянутыхъ сопоставленій не ограни-

чивается только что сказаннымъ. Устанавливаемый параллелизмъ въ русскомъ сектанствѣ и внѣ его можетъ оказаться пригоднымъ для всесторонняго выясненія не только первыхъ вторыми, а и наоборотъ. Съ этой стороны работа г. Коновалова имѣетъ несомнѣнный интересъ, далеко выходящій за предѣлы специальной области русскаго сектовѣдѣнія. Въ особенности это нужно сказать о тѣхъ страницахъ разсматриваемой книги, на которыхъ указанія параллелей къ описываемымъ явленіямъ сектантскаго экстаза разрастаются до размѣровъ цѣлыхъ экскурсовъ или небольшихъ монографій, отличающихся характеромъ новизны и документальности, общимъ всему находящемуся передъ нами изслѣдованію. Мы увѣрены, что упомянутые выше отдѣлы этого изслѣдованія, трактующіе о религіозныхъ пляскахъ и глоссолаліи внѣ русскаго сектанства, будутъ съ интересомъ прочитаны и тѣми, для кого нашъ сектантскій мистицизмъ и экстазъ самъ по себѣ не представляетъ ничего любопытнаго, и не будетъ удивительно, если указанія, сдѣланныя какъ-бы мимоходомъ въ работѣ изслѣдователя — сектовѣда, вызовутъ интересъ къ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ другимъ областямъ академической науки.

Вѣрный усвоенному имъ строго-научному методу, г. Коноваловъ въ разсматриваемомъ выпускѣ своего труда даетъ только *описаніе* физическихъ явленій въ картинѣ сектантскаго экстаза, умышленно воздерживаясь пока отъ выводовъ о природѣ самаго экстаза и его значеніи въ исторіи русскаго мистическаго сектанства. Мы уже знаемъ, что это, по намѣреніямъ автора, должно составить содержаніе дальнѣйшихъ отдѣловъ его изслѣдованія, цѣнность котораго для нашего сектовѣдѣнія только тогда и выступитъ во всемъ своемъ настоящемъ объемѣ. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ выпускѣ уже достаточно обрисовываются или, по крайней мѣрѣ, преднамѣчаются нѣкоторые результаты, которые можно привѣтствовать, какъ цѣнное приобрѣтеніе для науки о русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Наиболѣе существеннымъ изъ этихъ результатовъ намъ представляется убѣдительно доказанная теперь связь главнѣйшихъ элементовъ радѣльнаго культа съ естественными тѣлесными обнаруженіями религіознаго экстаза—съ одной стороны и нѣкоторыми народно-бытовыми явленіями—съ другой. Въ этомъ отноше-

ни нельзя не отметить особенно техъ страницъ разсматриваемой книги, гдѣ рѣчь идетъ о пляскахъ (стр. 117—124) и круговыхъ движеніяхъ (стр. 147—149), занимающихъ такое видное мѣсто въ „радѣніи“ мистическихъ сектъ. Констатируя автоматизмъ этихъ тѣлодвиженій и ихъ несомнѣнное сходство съ хореографическими элементами обыкновенныхъ народныхъ плясокъ и хоровода, авторъ справедливо усматриваетъ въ этомъ вѣское доказательство самобытнаго происхожденія древнѣйшей изъ русскихъ мистико-экстатическихъ сектъ (стр. 120). Безъ сомнѣнія, этотъ выводъ получить рядъ новыхъ подтвержденій въ дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія; но уже и теперь, въ связи съ ранѣе сказаннымъ, онъ представляется, на нашъ взглядъ, достаточно твердо обоснованнымъ въ данной части работы. А о важности его едва ли есть надобность распространяться. Не касаясь многого другого, укажемъ еще лишь содержащееся въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ (стр. III—VI) обширное примѣчаніе о Радаевѣ, котораго принято считать знаменитымъ хлыстовскимъ пророкомъ, а его сочиненія и показанія — главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о вѣроученіи хлыстовской секты. Не раздѣляя этого взгляда, г. Коноваловъ устанавливаетъ, что Радаевъ не принадлежалъ къ названной сектѣ, а „представлялъ изъ себя религиозно-помѣшаннаго энтузіаста (параноика) съ рѣзко выраженной эротической окраской, страдавшаго, при этомъ, припадками большой истеріи; движеніе, поднятое имъ среди крестьянъ с. Волчихи и окрестныхъ селеній (въ Арзамас. у. Нижегород. г.), было не чѣмъ инымъ, какъ религиозно-психической эпидеміей“. Не трудно понять, насколько существенно мѣняются ходячія представленія о важнѣйшей изъ русскихъ мистическихъ сектъ съ принятіемъ этого положенія.

Помимо чисто-научной цѣнности своихъ преднамѣчающихся результатовъ, книга г. Коновалова, несомнѣнно, будетъ имѣть и важное практическое значеніе. Она неоспоримо доказываетъ, что религиозная экзальтація составляетъ жизненную основу нашего мистическаго сектантства. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, экстазъ въ русскихъ мистическихъ сектахъ является „дѣйствительнымъ выраженіемъ существа ихъ религіи, какъ состояніе, въ которомъ сектанты непосредственно переживаютъ мистическое общеніе съ Боже-

ствомъ, ощущаютъ физически и чувствуютъ его могущественное воздѣйствіе на самихъ себя“ (предисл., стр. III). Ставши на эту точку зрѣнія, православный миссіонеръ въ бесѣдахъ съ сектантами—мистиками все вниманіе сосредоточить на раскрытіи ихъ основного заблужденія—самообольщенной вѣры, будто экстагическія состоянія ихъ исходятъ отъ Духа Святаго, а въ своихъ пракгическихъ мѣропріятіяхъ будетъ избѣгать всего, что могло бы поддерживать ненормальную религіозную экзальтацію среди сектантовъ. Экспертъ по сектантскимъ судебнымъ дѣламъ найдетъ здѣсь точное описаніе и объясненіе многихъ явленій изъ религіозной жизни мистическихъ сектъ, знаніе и пониманіе которыхъ необходимо для правильного установленія принадлежности подсудимыхъ сектантовъ къ той или другой мистической сектѣ. Для будущихъ изслѣдователей русскаго мистическаго сектантства вообще книга автора — цѣнное руководство и какъ бы программа для собиранія свѣдѣній о проявленіяхъ религіознаго чувства въ названномъ сектантствѣ.

При указанныхъ выше высокихъ внутреннихъ достоинствахъ сочиненія нѣтъ надобности останавливаться на такихъ качествахъ его, какъ ясность, точность и изящная простота стиля,—достоинства, не всегда встрѣчающіяся въ ученыхъ работахъ.

Но мы не исполнили бы обязанности оффиціального рецензента книги г. Коновалова, если бы, отмѣчая ея положительныя качества, не попытались отыскать въ ней слабыхъ сторонъ и недостатковъ; однако, признаемся, задача эта—не изъ легкихъ. При всѣхъ усиліяхъ мы можемъ указать лишь двѣ-три мелочи, дающія поводъ скорѣе для предьявленія недоумѣній, чѣмъ для прямыхъ возраженій. Не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ слѣдуетъ примирить указаніе на „свальный грѣхъ“, какъ характеристическій признакъ одной изъ мистическихъ сектъ (стр. 95), съ приводимыми далѣе (стр. 115—116) фактами, доказывающими несомвѣстность тѣлесно-половыхъ сношеній и экстаза. Нѣкоторою неустойчивостью отзываются сужденія о характерѣ эротическихъ позъ и движеній, признаніе которыхъ „чисто-физическими явленіями“ (стр. 79), повидному, противорѣчитъ наблюденію, что они иногда соединялись съ „соотвѣтствующими гал-

люцинаціями“ (стр. 131). Авторъ не объединилъ фактовъ, касающихся „верченія“ (стр. 105—111 и 181—185), выкликанія (стр. 35—37 и 208) и смѣха (стр. 29—33 и 182), а говоритъ о нихъ въ разныхъ отдѣлахъ книги. Наконецъ, въ подборѣ параллелей къ явленіямъ сектантскаго экстаза можетъ быть усмотрѣно кое-гдѣ увлеченіе внѣшнимъ сходствомъ, переступающее границы осторожности. Но все это и подобное нисколько не ослабляетъ общаго впечатлѣнія отъ книги г. Коновалова, какъ выдающейся ученой работы, свидѣтельствующей о рѣдкомъ трудолюбіи, необычайно солидной эрудиціи и блестящемъ талантѣ ея автора.

Горячо привѣтствуя рассмотрѣнный трудъ, какъ цѣнное приобрѣтеніе для науки о русскомъ сектанствѣ, считаю г. Коновалова вполне достойнымъ степени магистра богословія“.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *Д. Г. Коновалова* къ защитѣ его диссертациі на степень магистра богословія.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить экстраординарнаго профессора по кафедрѣ психологіи *И. И. Соколова* и и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громогласова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ немъ постороннихъ лицъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Окт. 29. Читано“.

ЖУРНАЛЪ
СОБРАНІЯ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

24 октября 1908 года.

№ 23.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь; заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, П. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора— П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій и доцентъ А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарные профессора А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій и доцентъ М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности, кандидатъ богословія, *Д. Г. Коноваловъ* защищаль представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть I, выпускъ 1. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ. 1908“.

Оффиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ по кафедрѣ психологін *П. П. Соколовъ* и и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *П. М. Громогласовъ*.

По окончаніи коллоквиума, Ректоръ Академіи Епископъ Евдокимъ, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій: „Кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ имъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—3) По указу Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября 1906 года за № 10251 Совѣтамъ академій поручено: „доносить чрезъ мѣстныхъ Преосвященныхъ о всѣхъ удостоиваемыхъ ими высшихъ ученыхъ богословскихъ степеней лицахъ Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ требующихся по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19—30 апрѣля 1900 г. за № 1557, 10 экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций“.

Опредѣлили: 1) Исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности, кандидата богословія, *Дмитрія Коновалова*, вслѣдствіе признанной Совѣтомъ удовлетворительности какъ представленной имъ диссертациі, такъ и ея защиты,—утвердить въ ученой степени магистра богословія и выдать ему установленный дипломъ на означенную степень ¹⁾.—2) Просить Его Высокопреосвященство донести о семъ Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ десяти экземпляровъ диссертациі магистра богословія Д. Г. Коновалова.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Нояб. 19. Донесеніе Св. Синоду сдѣлано“.

¹⁾ Означенное поставовленіе Совѣта Академіи *отмѣнено* указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 іюня 1909 года за № 8785.